ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНО-МАССОВЫМ ЯВЛЕНИЯМ

УДК 111.6

Г.Ю. ЧЕРНОВ

С учетом растущей популярности и многочисленных попыток применения синергетической теории в современном социально-философском знании возникает вопрос о возможностях и пределах использования теоретических положений и концептов современной синергетики к исследованию социально-массовых явлений (СМЯ) и формированию концептуальной системы знаний о СМЯ.

Собственно говоря, сам статус синергетической теории в отношении социального знания в целом и становящейся теории СМЯ в частности остается на данный момент открытым, неопределенным. Что это: один из возможных исследовательских подходов, либо новая парадигма социального знания, в рамках которой только и возможно подлинно современное познание массовых явлений в обществе, либо же это не более чем новый язык (формат) описания СМЯ, имеющий право на существование наряду с другими, более привычными, символически-семиотическими средствами науки? Что может дать синергетика для исследования и научного толкования СМЯ такого, чего не могут дать другие научные направления, исследовательские подходы к СМЯ? Ответы на эти вопросы представляются нам крайне важными для формирования системной теории СМЯ, особенно ее методологической и теоретико-познавательной составляющих.

Считается, что у синергетики по крайней мере два отца-основателя – немецкий физик и философ Герман Хакен и бельгийский ученый российского происхождения Илья Романович Пригожин. Термин «синергетика», обозначающий новое направление междисциплинарных исследований в науке, «учение о взаимодействии» Г. Хакен впервые ввел в своих лекциях в университете г. Штутгарта в 1969 году [11, с. 351–352].

В современной науке синергетика выступает, как полагают многие исследователи, в нескольких ипостасях. Так, В. П. Прытков предлагает различать по крайней мере три различных «плоскости» бытования синергетики: а) как физико-математической дисциплины; б) как направления междисциплинарных исследований процессов самоорганизации в природных, социальных, когнитивных системах определенного вида (по Г. Хакену); в) как «концептуальной основы становящейся картины становящегося мира» [9, с. 147].

Зародившись в естествознании, синергетика сегодня активно внедряется в социальные и гуманитарные науки, претендуя на роль принципиально нового мировидения, системы принципов понимания и познания социальных систем. С. П. Курдюмов и Е. Н. Князева выделяют несколько значимых аспектов новизны такого «мировидения»:

1) понимание характера развития сложноорганизованных систем как самоуправляемого, отказ от навязывания им путей развития, концентрация усилий на изучении собственных тенденций изменения системы и выводу ее на эти пути;

2) видение *хаоса* как созидающего начала (а не как досадной неприятности, которую необходимо преодолеть), поскольку из хаоса своими силами может развиваться новая организация;

3) альтернативность, нелинейность путей развития системы в точке бифуркации (ветвления) системы. При этом настоящее состояние системы определяется не только ее прошлым, историей, но и формируется в соответствии с грядущим порядком, из будущего («будущее временит настоящее»);

4) представления о том, что новое системное целое является качественно иным по отношению к системе-«прародителю» и появляются новые принципы согласования частей в целое, устанавливается общий темп развития частей;

5) в теории управления системами: тезисы о том, что главное – не сила, а правильная «топологическая конфигурация», «архитектура» воздействия на саморазвивающуюся систему, что наибольшей эффективностью обладают малые, но правильно организованные резонансные воздействия (в духе даосизма: «слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое» и т. п.);

6) важнейшим направлением становится исследование лавинообразных процессов в жизни систем, проблемы потенциального

распада сложных структур вблизи моментов их максимального развития (например, империй, крупных социальных систем);

7) теория флуктуаций по-новому ставит вопрос о соотношении закономерности и случайности в историческом процессе, а в связи с этим и о роли личности в истории: в условиях неустойчивости социальной среды в период бифуркации деятельность каждого отдельного человека может влиять на социальные процессы, стать решающей флуктуацией, определяющей аттрактор, на который выходит система [3, с. 4–5].

Синергетика выступает, предположительно, не столько как опровержение и ниспровержение детерминизма, сколько как существенная поправка к нему. Желательной моделью эволюции научного сообщества поэтому представляется не образование замкнутых и взаимно глухих к доводам оппонентов групп «синергетиков» и «детерминистов», а рациональная взаимообогащающая дискуссия сторонников разных парадигм, или «концептуальных каркасов», по К. Попперу. При этом «концептуальные каркасы, подобно языкам, выступают как барьеры; но чужой концептуальный каркас, так же, как чужой язык, не является абсолютным барьером» [7, с. 592].

Еще более эта гносеологическая неоднозначность характерна для исследования таких сложных, «многосоставных» систем как социум, культура. Академик М. С. Каган говорит о небходимости придерживаться боровского принципа комплементарности походов: в одних познавательных ситуациях большей объяснительной силой обладает детерминистская модель, в других синергетическая [2, с. 329].

Рассмотрим главные предпосылки подобной исследовательской позиции в области социальной философии, социально-гуманитарных наук и базирующихся на них прикладных социально-управленческих усилий. Весьма значимым представляется нам следующее суждение И. Р. Пригожина: «*Искуственное может быть детерминированным и обратимым... Естественное же непременно содержит элементы случайности и необратимости*» [8, с. 50]. Общество, культура, в отличие от природы, могут рассматриваться, по нашему мнению, как искусственные системы со встроенными элементами и свойствами «естественности». Это прежде всего результаты целеполагающей, проективной деятельности человека, развертывающейся в материальной практике. Представляется верной позиция И. И. Малышко, согласно которой с возникновением общества самоорганизация перестает быть спонтанным фактором развития сложных систем, а эволюция социальных систем является результатом взаимодействия самоорганизации и организации общества, поскольку самоорганизация дополняется сознательной организацией людей для осуществления своих целей [4, с. 24]. При этом в разных сферах бытия общества соотношение искусственного и естественного, организации и самоорганизации оказывается различным. Например, в экономике, связанной с реализацией базовых (естественных) потребностей людей, роль процессов самоорганизации будет заведомо выше, чем в культуре – искусственной среде, важнейшей функцией которой является сохранение преемственности и стабильности общества.

Для нас представляет большой интерес один из первых опытов применения принципов и положений синергетической теории к исследованию социально-массовых явлений (а именно массового сознания поп-аудиторий) в работе П. В. Разина, датированной 1990-м годом. Автор отмечает, что в отличие от исследования социальных систем, которые можно характеризовать как простые детерминированные (наподобие воинского подразделения) и в которых хаос может выполнять скорее деструктивную функцию, в большинстве массовых социокультурных процессов, стихийных образований этот хаотический элемент принципиально неустраним и играет существенную роль в их жизнедеятельности. Поэтому и представляется невозможным сколько-нибудь полное описание подобных явлений и процессов без применения достижений синергетики [10, с. 13]. Согласно П. В. Разину, поп-культура порождает некое самодостаточное образование – аудиторное пространство, представляющее собой динамический континуум жизнедеятельности более или менее широких масс людей в сфере поп-культуры и специфического типа сознания, продуцируемого в процессе этой жизнедеятельности. Поп-культура – это прежде всего взаимодействие людей, и общее количество участвующих в этом взаимодействии образует аудиторное пространство, динамическую массовую совокупность, время от времени сгущающуюся в массовые аудитории отдельных исполнителей. Появляется аудиторное пространство под «знаком» данного певца (шоумена), причем реальный певец перестает быть значимым фактором порождения популярности, а выполняет

роль катализатора процесса взаимодействия индивидов на двух уровнях – объективном и информационном. Ключевым фактором, информационным «ядром» интеграции поп-аудитории становится миф о певце, основа для поклонения ему. Соотношение стабильности и неравновесности (изменчивости) в содержании такого мифа порождает различные тенденции в развитии популярности исполнителя. Показателем устойчивости популярности выступает, по П. В. Разину, равновесие между стабильной «генеральной» версией мифа и новообразованиями; отсутствие последних при доминировании «генерального» мифа говорит о превращении мифа в жесткую неравновесную систему, группы поклонников – в устойчивую закрытую группу, что означает недолговечность будущего существования и мифа, и группы; наконец, преобладание новообразований, неравновесности над устойчивым ядром мифа есть свидетельство неустойчивости популярности, ее способности к трансформации в свою противоположность [10, с. 14, 23] (либо, как мы предполагаем, в другой «генеральный» миф). Таким образом, оптимальным вариантом системы популярности шоу-персонажа оказывается система, в которой существует гармоническое равновесие между относительно «жестким» ядром и открытой, способной к изменениям и инновациям «периферией», т. е. открытая саморазвивающаяся система. Рост популярности зависит не от личности шоу-персонажа, а от мифа о нем и соответствующего имиджа; оптимальная популярность достигается соблюдением меры между относительно консервативным «ядром» и подвижной, диверсифицированной «периферией» мифа (слухи, локальные мифы искусственного происхождения), позволяющие расширить аудиторию поклонников за счет представителей самых различных страт, идейных направлений и вкусовых ориентаций. Следует заметить, что здесь речь идет об искусственном выращивании (поддержании оптимума) системы с учетом положений синергетики (хотя в работе П. В. Разина, на наш взгляд, использование арсенала синергетических принципов только намечается, что, в общем-то, закономерно для раннего этапа разработки положений самой синергетики).

При исследовании синергетичности массовых антропосоциокультурных процессов и структур, следует иметь в виду две основные разновидности массы: толпу, как ограниченную во времени, нестабильную, стохастическую, «ad hoc» форму омассовления индивидов, социальных агрегатов или групп, и более стабильную, конституирующую современное массовое общество «одинокую толпу» – сообщество деиндивидуализированных, манипулируемых через масс-медиа «нормальных потребителей».

В зарождении и функционировании толпы действительно можно обнаружить многочисленные события и эффекты, которые либо носят синергетический характер, либо могут быть описаны с применением концептуального аппарата и языка синергетики.

Толпа являет собой пример чередования динамического социального хаоса и порядка, в течение быстрого времени, часто лавинообразно (опять через мгновения «хаоса»), способного менять свои параметры и свойства (имеется в виду свойство *изменяемости* толпы, перехода от одного ее вида к другому, например, толпы конвенциональной, собравшейся намеренно с общей целью, в толпу стяжательную, а затем паническую, как это было во время знаменитой «Ходынки»). Индивиды внутри толпы переживают эволюцию, ведущую к ситуации, когда их когнитивные и деятельностные характеристики унифицируются, приходят в унисон, и когда сами эти индивиды и вновь обретенные члены толпы могут быть описаны как своеобразные фракталы. Механизм подобной унификации индивидов в толпе с современных позиций может быть описан на основе предложенного С. Милграмом концепта «перегрузки», когда чрезмерное обилие и плотность социальных контактов ведет к превышению объема поступающей в когнитивную систему индивида информации над возможностями ее обработки, и часть нагрузки по принятию решений перекладывается на другого участника (участников) взаимодействия либо лидера [5, с. 33–34].

Особенно это касается случаев появления и многообразных трансформаций неконвенциональных (окказиональных, возникших по случаю, на почве любопытства и т. п.) и панических толп. Само формирование толпы вокруг некоего события, которое может рассматриваться как флуктуация либо аттрактор толпы, предстает как лавинообразное возникновение ритмически и стилистически однородного людского «массива», краткосрочно существующей диссипативной системы, в которой все ее элементы действуют и «мыслят» единообразно, «синергийно», кооперативно.

На начальном этапе формирования толпы панической можно выделить момент, который А. П. Назаретян характеризует как «оторопь»,

когда реакция на резонансное событие еще не последовала и толпа как бы на короткое время замирает в бездействии. Этот момент можно сравнить с точкой бифуркации, так как при определенном воздействии на толпу (шоковое событие – выстрел, неожиданная команда лидера, другое резонансное событие) вектор поведения толпы может быть изменен, паника предотвращена, удается избежать колоссального материального ущерба и человеческих жертв [6]. Подобную практику можно рассматривать как применение т. н. «социальной акупунктуры», т. е. слабого правильно организованного воздействия в определенной точке социального пространства, ведущего к позитивному макроэффекту, чему учит современная социосинергетика.

Таким образом, теоретический инструментарий социосинергетики оказывается вполне применим как для анализа трансформаций социальных агрегатов в толпу, так и трансформаций одних видов последней в другие, а правильно организованные «акупунктурные» воздействия в точках бифуркации толпы могут вести к положительным мактоэффектам, снижению социальных издержек. В этой связи можно говорить и об элементах интеграции *синергетического подхода* к анализу развития социума и ряда положений *социально-психологического подхода* к социально-массовым явлениям.

Рассматривая место и роль толп в историческом процессе уже не в качестве случайных, спонтанно возникающих локусов, сгущений людской массы, а как сознательно образующихся «революционных толп», мы вновь сталкиваемся с возможностью, а может быть, и необходимостью использования концептуального аппарата и языка синергетики. Ведь революционная толпа в канун разрушения старого социального порядка может рассматриваться как фермент социального хаоса, как решающая флуктуация, через которую (благодаря которой) утверждается новый социальный порядок, формируются новые параметры социальной системы (прежде всего – политической подсистемы). Лавинообразные процессы разрушения старых политических режимов на Востоке (Тунис, Египет, 2011 г.) отправной точкой и зоной вхождения в аттрактор «невозврата» к старому состоянию политических систем имели как раз возникновение и попытки институционализации революционных («повстанческих») толп. Впрочем, это справедливо для большинства политических революций в истории человечества.

Положения современной синергетической теории наводят на размышления о современной массе как хаотическом состоянии социума, которое не только является предвестником конца старого порядка, но и служит источником рождения нового «порядка из хаоса» (И. Р. Пригожин); хотя при нынешнем состоянии дел велик риск того, что это будет уже сугубо природный «порядок», без человека и его социума. Так или иначе, в контексте синергетических представлений онтологический статус массы и социально-массовых явлений меняется: из ранга явления маргинального, периферийного масса возводится либо в ранг синергетического «хаоса», чреватого новым порядком, социальностью нового типа; либо же активность масс (толпы, великие буржуазные, пролетарские, «тюльпановые» и т. п. революции) рассматривается как мощная флуктуация, решающим образом выводящая развитие социальной системы на новый аттрактор.

1. Губин В.Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых» [Текст] / В.Б. Губин // Философские науки. 2003. № 2. С. 121–155.
2. Каган М.С. Философия культуры [Текст]. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным [Текст] // Вопросы философии. 1992. № 12. С.3–20.
4. Малышко И.И. Синергетический подход к изучению социальных систем: аргументы «за» и «против» [Текст] // Полигнозис. 2002. № 3. С. 23–38.
5. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии [Текст] / Стэнли Милграм / пер. с англ. Н. Вахтина и др. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
6. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании [Текст]. 2-е изд., перераб. / А.П. Назаретян. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы [Текст]. Пер. с англ. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
8. Пригожин И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой [Текст] / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
9. Прытков В.П. Оправдание синергетики [Текст] // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 146–149.
10. Разин П.В. Феномен популярности в массовом сознании: дис... канд. социол. наук [Текст]. М., 1990. 159 с.
11. Синергетика: 30-летнее дитя и его родитель. Интервью с Г. Хакеном, проведенное Е. Н. Князевой в сентябре 1998 г. [Текст] // Князева Е.Н., Курдюмов, С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. С. 351–363.